

Чингиз Айтматов,
Герой Социалистического Труда

ДАВАЙТЕ ДУМАТЬ И РИСКОВАТЬ

Во Фрунзе состоялась творческая конференция по итогам работы двух последних лет студий «Киргизфильм» и «Киргизтелефильм». Были рассмотрены художественные, документальные, научно-популярные, мультипликационные, телевизионные картины для кино и телевидения, киножурналы «Советская Киргизия» и юмористический «Карагёч». Сегодня своими мыслями о нынешнем этапе в развитии кино республики, о творчестве молодых, о путях развития современной темы делится Чингиз АЙТМАТОВ.

Два года работы нашего, быть может, самого скромного по размерам отряда в многонациональном советском кино — это серьезная точка отсчета, особенно если иметь в виду те большие перемены в жизни страны, перед лицом которых мы сейчас оказались и которые определяют для всех нас новые критерии в отношении искусства и жизни. Я имею в виду последние Пленумы Центрального Комитета КПСС и меры по ускоренно социально-экономического развития страны, которые принимает партия. И здесь надо заметить, что, оценивая нашу работу только с внутренней, студийной точки зрения, мы и сами видим в ней определенные просчеты, но, соотнося ее с обликом всесоюзного экрана, го-

раздо шире ощущаешь уровень требований в нашем искусстве вообще, и в кинематографе в частности. Сейчас эти требования строже, серьезнее, глубже. Хотя надо сказать, что последние годы были для нас в общем успешными, потому что последовательно на экран вышли картины таких мастеров, как Болот Шамшиев, Толомуш Океев, Геннадий Базаров, — это если говорить только о «большом кино» для всесоюзного экрана.

Понятно: сегодня все наши мысли обращаются прежде всего к молодежи, а на «Киргизфильме» ее очень много, и положение с ней всех нас постоянно волнует. Я не хотел бы говорить — тревожит, потому что не вижу серьезных причин для беспокойства, пусть эти молодые еще и не сделали пока своего «Неба нашего детства» или «Выстрела на перевале Караш». Вероятно, им сегодня и легче, и труднее — легче в житейском, организационном плане, все мы им помогаем, и объем работы стал шире. И труднее — в творческом, потому что очень нелегко сегодня, когда все первые слова в киргизском кино уже сказаны, донести свое слово, и так, чтобы оно прозвучало.

Ведь молодой кинематографист не писатель, который сегодня напишет, а завтра в крайнем случае может выбросить написанное. Пусть это драматично, но это его личное дело и его личная драма. А здесь студия, коллектив, и надо думать о них, отвечать, уж коли ты взялся за такое дело, как кино. И если мы порой сетуем на молодежь, что она, мол, и такая, и сякая, и не такая, как нам бы хотелось, то это — поколение сегодняшнего дня, сформированное совсем другим временем, нежели то, в которое начинали мы, другого поколения нет, и с этими данностями нам надо считаться. Важно, чтобы отдельные люди почувствовали себя коллективом единомышленников, и здесь мы, старшие, должны помочь молодым ощутить себя единым целым, как это было в самом начале киргизского кино.

Киргизские кинематографисты начали активно работать для телеэкрана — и очень

хорошо, это расширяет наши возможности, зритель у ТВ миллионный, значит, возникают новые критерии. Здесь не надо противопоставлять, бороться друг с другом, а, напротив, творчески сопоставляя, сравнивая, все складывать в одну, общую копилку творческого опыта.

Так получилось, что сегодня мы много говорим об эпосе, об эпическом искусстве, наверное, потому, что впервые мы у себя в киргизском кино прикоснулись к этой великой стихии — я имею в виду картину Океева «Потомок Белого барса», и в какой-то степени сюда же примыкает и телевизионная «Песнь о любви» (режиссер Д. Садырбаев), в центре которой — состязание народных сказителей. Думаю, что это очень важный этап в развитии нашего кино, потому что эпическая традиция обретает новое эстетическое и социальное значение. Любопытно говорилось однажды и о связи эпоса с фантастикой, что-то глубинное незримо связывает в веках прошлое с порывом человеческой мысли в будущее, в просторы Вселенной.

Фильм Толомуша Океева дает нам обильную пищу для размышлений в этом плане. В конце концов вершины — и вообще, и в искусстве в частности, — тем, наверное, и прекрасны, что указывают нам путь, что за ними обозначаются другие, все новые и новые вехи. Они отмечают поиск и указывают путь.

«Волчья яма» Болота Шамшиева уже давно вышла на всесоюзный экран, но она входит составной частью в наш сегодняшний разговор, представляет другую грань проблемы, я бы определил ее для себя как «зону провокации», то есть речь идет о сфере зрительского интереса. Я имею здесь в виду, что Шамшиев сделал остросоюзную картину, собравшую большое количество зрителей, и думаю, не потому, что избрал детективную форму, — в конце концов детективов очень много, и далеко не все они пользуются успехом. Здесь были навеяны другие, куда более серьезные ожидания.

Вопрос о зрителе вообще очень сложный, диалектический, мы не можем идти на поводу потребительских вкусов, должны сохранять здесь чувство меры. Но и снобистски игнорировать человека, для которого все мы работаем, в таком искусстве, как кино, было бы глубоко неверным.

Наконец, «Первый» Геннадия Базарова, картина о сельском секретаре райкома, назначенном внезапно вместо погибшего в автомобильной катастрофе, оказалась удивительно нужной и злободневной, хотя задумывалась и начинала делаться еще три-четыре года назад. В ней особенно привлекает острая тревога за наше народное дело, за землю, которая тебе поручена, за новые формы хозяйствования, за честь и совесть коммуниста. Вот здесь невольное приходит в голову мысль о мере предвидения в искусстве — не о конъюнктуре (ее всегда было достаточно), но о предощущении, очень дорогим и редким даре, который надо ценить.

Хотелось бы также упомянуть картину молодого режиссера Т. Раззакова «Волны умирают на берегу» — о драматической судьбе людей, по разным причинам оставшихся во время войны за границей. К фильму можно предъявить определенные претензии, но тем не менее следует отметить его остроту, проблемность.

Названные мной картины наряду с интересными документальными лентами определяют сегодня наш уровень достижений. Мы маленькая студия и должны постоянно соблюдать баланс — в том числе баланс серьезного размышления, пищи для ума и, если хотите, для сердца, для чувства. Телевидение предлагает нам ежедневно обилие зрелищ, я сам иногда ловлю себя на том, что спешу на третью или на пятую серию того или иного фильма, это как наркотик (хотя подобное случается и нечасто). Чаще бывает другое — телевизор заманивает, и мы все бросаемся к нему, возникает привыкание, когда чем больше потребляешь, тем больше надо. Любого зрелища.

Об этом надо помнить, серьезное искусство должно суметь себя остановить, беря в рассмотрение прежде всего эстетические и нравственные категории.

Каждый художник ищет предмет приложения своих знаний, своих творческих устремлений. Думая о будущем киргизского кино, мы бросаем ретроспективный взгляд в прошлое, совместно ищем острые жизненные проблемы — экономические, социальные, организационные, — которые нам предстоит решать. Самая же главная проблема, которая перед нами стоит, сложна. Потому что нет ничего более сложного в искусстве, чем человек. Какой бы он ни был разный, хороший или плохой, передовых убеждений или даже и обыватель, мещанин, — он наш объект. И надо искать такие способы решения проблем, чтобы ему, человеку, зрителю, было интересно. А завоевать этот интерес необходимо, игнорировать запросы зрителя невозможно.

Мне вспоминаются слова моего друга Расула Гамзатова: люди, люди, высокие звезды, — долететь бы мне только до вас! Это глубокие слова, потому что очень трудно дойти до своего современника, преодолевая муки и сомнения, донести до него самое трудное, сокровенное.

Да, мы обращаемся к самому сложному объекту — человеку. Сегодня, когда от всех нас требуются конкретность, деловой, строгий счет, надо серьезно посмотреть, что сделано и что надо сделать, чтобы двигаться дальше. Киргизское кино накопило творческий потенциал, дающий нынешним молодым основу для поиска. И я честно могу сказать: если завтра кто-то из них придет ко мне и расскажет сюжет, идею будущего фильма, такого, который преступно не снять, мы бы добились, чтобы такой фильм был поставлен. И убежден, нам бы пошли навстречу, несмотря на малый объем нашего кинопроизводства. Но что мы хотим? Какой фильм не можем не поставить? Такой вопрос должен задать себе каждый молодой.

Никто не может диктовать художнику, что ему делать. Найдите, ищите, читайте! Я призываю молодых думать и рисковать. Потому что не может быть простоя у талантливого человека.